

ЕГО ИМЯ сегодня уже широко известно. Еще на первом международном конкурсе, в котором он принял участие (1971 год, Париж, конкурс имени Маргариты Лонг и Жана Тибо), Виардо занял почетное третье место. Но истинное признание пришло два года спустя, когда он стал победителем сложнейшего международного конкурса пианистов имени Вана Клиберна в американском городе Форт-Уэрте. Для 23-летнего студента Московской консерватории началась большая жизнь в большой музыке.

Прошли годы. Талант и работоспособность пианиста по-прежнему вызывают восхищение слушателей.

Недавно солист Московской филармонии Владимир Виардо выступил с концертом в своем родном городе Запорожье.

Мы сидим с ним после концерта на слабо освещенной сцене, ведем неторопливый разговор, и даже не верится, что еще несколько минут назад сотни глаз, не отрываясь, смотрели на сцену, где руки волшебника извлекали из рояля страстные и нежные звуки.

— Когда она вошла в вашу жизнь — музыка?

— Наверное, вместе с рождением. Мама была певицей, потом преподавала му-

— По мнению специалистов, вы развиваете свои способности в самых разных направлениях, не ограничиваясь исполнением наиболее близких вам по духу и стилю произведений Прокофьева, Скрябина, Шопена, Рахманинова, Штрауса...

— Но ведь сама музыка, предмет ее — это тренировка души. А душа мертва без эмоций. К сожалению, люди, как мне кажется, стали рациональнее. Нужно, мол, дело делать, а эмоции — слишком большая роскошь в наш практический век, своего рода блажь. Увы, кое-кому приходится горько

тренировок, поддерживающих физическую форму, невозможно работать. А работать действительно приходится много. Часто до двух-трех часов ночи. В доме к этому давно привыкли.

— Простите за нескромность, ваши руки...

— Не белые, не тонкие, не изящные, а совсем наоборот? (Смеется). Это красивый миф — о руках пианиста. Видите, пальцы на концах черные? Это от рояля. Пианист — мужская профессия. А я вообще люблю мужской труд. Дома сам делаю ремонт, мастерю мебель для кухни. Я нахожу в этом удовольствие. Потому, наверное, что получаю возможность видеть конкретные результаты своего труда.

— Сегодня социологи отмечают некоторую переориентацию культурных потребностей людей: спад поэтического бума, снижение интереса к классической музыке в пользу эстрадной. Что вы думаете по этому поводу?

— Приведу историческую аналогию. Бах и Телеман были современниками. Но слава нашла Телемана сразу, а Баха его время не признало: сто лет «не существовало» Баха. Но потом музыка Телемана перестала удовлетворять культурные потребности общества. И наступило время Баха.

Я лично из всей современной «неклассики» признаю джаз. Конечно, если это не пустоголовое шоу, а настоящее произведение.

Думаю, то, что попросту модно, уйдет само собой. Есть другая опасность: когда пустышку выдают за искусство. Бесспорно: очень многое зависит от людей, которым доверено руководить культурой.

За годы гастролей у меня появились свои любимые аудитории. С удовольствием еду в Сумы, Чернигов, Полтаву. Там очень, убедился, взыскательные слушатели, много истинных поклонников музыки. Дело именно в них — личностях, которые продолжают, возрождают или создают культурные традиции.

— Ваши поклонники знают: перед ответственными конкурсами, гастрольями вы приезжаете в Запорожье с новой программой.

— Да, это своего рода примета. Один, случается, перед экзаменом кладет в туфлю пятак, другой надевает талисман. Я еду в Запорожье. После дальних дорог он кажется особенно родным. Давняя творческая дружба связывает меня с коллективом симфонического оркестра Запорожской филармонии, с дирижером С. Дудкиным: мы хорошо понимаем друг друга. С большой нежностью отношусь к своим педагогам М. И. Павленко и Л. Н. Нейману — они дали мне путевку в жизнь. Чувствую себя увереннее, получив благословение родных пенатов.

— Какие качества вы особенно цените в людях?

— Их много... К тридцати пяти годам я стал мягче, терпимее. А ненавижу в людях конформизм. Приспособленец становится тормозом в любом деле.

— И последний вопрос: ваши творческие планы?

— Работать.
Беседу вел Г. СТИЦНА.
Запорожье.

Знакомства и встречи

Пианист Владимир ВИАРДО:

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС МУЗЫКАНТА? РАБОТА!

зыка. А первым моим педагогом была бабушка, человек музыкальный и очень строгий. Помню, за окном птицы поют, мальчишки мяч гоняют, я жду — не дожусь, когда можно будет сорваться — и во двор... Но не тут-то было! Бабушка, хоть и больная, но все слышит и замечает: «Ты опять недобрал четверть ноты?» Я молчу: спорить с ней бесполезно. Бабушка учила меня и английскому, а главное, учила трудиться. Я всегда был помощником по дому. Тогда это мне, конечно, не нравилось — только спустя годы оценил я бабушкины заботы.

Потом — музыкальная школа в Запорожье, училище имени Гнесиных, Московская консерватория, где я сейчас уже сам учу молодежь.

— На «текущем счету» артиста Виардо немало творческих побед. Как вы считаете, ваш звездный час уже был или еще впереди?

— Успех — весьма относительная вещь, он не всегда совпадает с действительным достижением. Уж сколько было им обмануто! После того, как достигнут успех, порой кончается борьба за свою личность: человек успокаивается, меньше работает. Недовольство собой в творчестве — это не кокетство, это возможность сохранить себя.

А звездный час — это когда совпадает все: успех, везение, вдохновение, это значит, что лучше уже не сможешь. Звездный час для музыканта? Нет, это несерьезно. Может быть, на смертном одре я «вычислю», когда он был. А пока я должен верить: смогу лучше. Я должен жить надеждой, что обязательно влюблюсь в следующее произведение, я обязан оставить место в душе для этой любви.

расплачиваться за это заблуждение! Без эмоций, без жизни души нет и самой жизни во всем прекрасном многообразии этого слова. Важнейшая задача исполнителя — открыть бесценное эмоциональное богатство классической музыки, оживить произведения, которых не знают, и с помощью искусства раскрыть перед человеком сокровища его души. Сложнейшая миссия. Я убежден: до тех пор, пока произведение не станет твоим, его нельзя играть.

— Что вам приносит самое большое наслаждение: оации, признание, чувство исполненного долга?

— Право, не знаю. Помню, мой учитель Лев Николаевич Наумов, шестидесятилетний профессор, после моей победы на конкурсе в Форт-Уэрте прыгал от радости на кровати (известие застало его в постели). Ему я обязан всем, что знаю и умею. Я и сейчас без него не обхожусь: Лев Николаевич умеет, как никто, настроить музыканта перед ответственным выступлением.

А вообще оации, признание, цветы — все это, конечно, очень приятно, но самое большое наслаждение приносит сама работа. «Звездный миг» — когда во всем мире нас только двое: я и рояль. И еще — притихший зал.

— Много говорят о вашей исполнительской технике, которая достигается колоссальной работоспособностью.

— Ну, насчет «колоссальной» — не знаю. Пределов работоспособности не существует, как и пределов совершенствования. Кому-то, возможно, покажется кощунственным то, что я скажу: участие пианиста в конкурсах — это наполовину спорт. Тяжелый физический труд. Без